

Организация охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД СССР*

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассматривается организация охраны военнопленных и интернированных в лагерях НКВД-МВД. Особое внимание при этом уделяется анализу деятельности вахтерских подразделений и конвойных войск, команд самообороны и бригад содействия из местного населения.

Ключевые слова: Вторая мировая война; СССР; лагеря НКВД-МВД; военнопленные и интернированные; режим и охрана.

Protection of prisoners of war and internees in the camps of the NKVD-MVD of the USSR

A.L. KUZMINYKH – Associate Professor of the Chair for Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Postgraduate of the Chair for Domestic Russian History in the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University

The article is devoted to the protection of war and interned prisoners in the camps of the NKVD-MVD. Particular attention is paid to the analysis of activity of the convoy troops, command of the internal protection and assistance brigades of the local population.

Key words: Second world war; USSR; camps of the NKVD-MVD; prisoners of war and internees; security and protection.

В годы Второй мировой войны в СССР была сформирована система органов и учреждений для содержания военнопленных и интернированных, объединенная в рамках Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД-МВД СССР). Одной из важнейших задач системы ГУПВИ помимо приема, содержания и трудового использования военнопленных и интернированных была организация их охраны, которая осуществлялась, во-первых, в целях предотвращения побегов контингента, во-вторых, для предупреждения их контактов с советским населением¹.

По аналогии с учреждениями ГУЛАГа² для охраны военнопленных вокруг лагерей создавалась сеть ограждений, которые строились в форме правильного прямоугольника или квадрата, что обеспечивало лучший просмотр охраняемой территории. Согласно инструкциям НКВД-МВД лагерная зона по периметру обносилась забором (в некоторых случаях – двумя или тремя) из колючей проволоки высотой 2,5 м³. В связи с нехваткой колючей

проволоки разрешалось устраивать ограждения (заборы, частокоты, плетни) из дерева, кирпича, глины или камня, то есть фактически из любого подручного строительного материала, с обязательным устройством козырька из 4–6 нитей колючей проволоки⁴.

По периметру лагерной зоны устанавливалась сеть сторожевых вышек, оборудованных прожекторами, средствами связи и сигнализацией. Конструкция вышки позволяла вести круговой обзор и обстрел. Вход на вышку оборудовался лестницей, устанавливаемой с внешней стороны лагерных ограждений. Для усиления охраны в ночное время предусматривалось устройство блокпостов с будками для служебных собак.

Территория с внешней и внутренней стороны лагерных ограждений (шириной до 5 м) именовалась запретной зоной. В случае ее пересечения часовым делался предупредительный выстрел и открывался огонь на поражение. Для того чтобы зафиксировать факт нарушения, запретную зону (при отсутствии снега) рыхлили или посыпали песком,

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 12-01-00344а.

который разравнивали граблями. Границы запретной зоны обозначались забором из нескольких нитей колючей проволоки высотой до 1 м и табличками с надписью «Запретная зона. Подходить воспрещено. Стреляю». Окружающая лагерь местность расчищалась от кустарника и травы, затруднявших часовому наблюдение⁵.

Вход в лагерь оборудовался контрольно-пропускным пунктом (вахтой), проходными и проездными воротами. При входе на территорию лагеря сотрудники и прочие лица были обязаны предъявить пропуск. Через вахту осуществлялся вывод контингента на внешние работы согласно плану (наряду), составленному отделением режима и охраны лагеря на основании заявок хозорганов. Военнопленные выпускались строго по списку и сдавались под расписку конвоиров. На территории лагеря выставлялись несколько подвижных или неподвижных постов (угаупт-вахты, складов, подсобного хозяйства).

Вахта соединялась прямым проводом с дежурным комендантом. Последний подчинялся непосредственно начальнику лагеря или его заместителю. В обязанности коменданта входили контроль за выполнением военнопленными правил внутреннего распорядка, обход лагерной зоны, наблюдение за порядком и чистотой в жилых и служебных помещениях, проведение утренних и вечерних поверок. Согласно приказу НКВД СССР от 24.03.1944 г. № 00335 в целях «повышения ответственности за точное выполнение правил внутреннего распорядка в лагерях» должность дежурного коменданта была переименована в «дежурного офицера по лагерю», причем занять ее могли только лица из числа офицеров⁶.

Охрану военнопленных на территории лагерей (спецгоспиталей) осуществляли вахтерские команды. Вахтерский состав комплектовался как по призыву, так и по вольному найму через местные военкоматы за счет демобилизованных военнослужащих старших возрастов, а также за счет спецконтингента, то есть солдат и командиров советской армии, проходивших фильтрацию в спецлагерях. На начало 1944 г. в лагерях и спецгоспиталях несли службу 2237 вахтеров, 1945 г. – 8767, 1946 г. – 23 689, 1947 г. – 17 009, 1949 г. – 9065⁷.

Согласно инструкциям вахтеры вооружались 7,62-мм магазинными винтовками образца 1891/1930 гг. (винтовка Мосина), офицеры и дежурные по вахте – револьверами «Наган» или пистолетами ТТ. На управление лагеря также выделялись противогазы, пистолет-пулемет, а также сигнальный писто-

лет⁸. К примеру, в 1947 г. арсенал Череповецкого лагеря № 158 включал 54 винтовки образца 1831/1930 гг., 160 револьверов и наганов, 5 пистолетов ТТ, 5 пистолетов-пулеметов, 3 сигнальных пистолета, 330 ручных гранат, 96 противогазов, 12 карманных фонарей, 22 малокалиберные винтовки⁹. Применение оружия допускалось как крайняя мера при нападении, побеге и открытом сопротивлении военнопленных. Если позволяла обстановка, часовой или конвоир был обязан произвести первый выстрел в воздух и лишь второй в нарушителя¹⁰. По каждому случаю применения оружия проводилось служебное расследование.

В целях повышения уровня боевой и служебной подготовки с вахтсоставом проводились плановые учебные занятия или сборы. Программы по боевой и служебной подготовке в 1944–1945 гг. были выполнены лагерями на 50–60%, в 1946 г. – на 70–85%¹¹. Судя по результатам проверок, наихудшие показатели офицерский и вахтерский состав показывал по стрелковой подготовке. Так, в 1948 г. результаты стрельбы офицерского состава из пистолета ТТ выглядели следующим образом: «отлично» – 14%, «хорошо» – 21%, «посредственно» – 26%, «плохо» – 39%; вахтерского состава из 7,62 мм винтовки: «отлично» – 21%, «хорошо» – 24%, «посредственно» – 30%, «плохо» – 25%¹².

Задачи по конвоированию военнопленных, а также внешней охране приемных пунктов, лагерей и спецгоспиталей возлагались на конвойные войска, подчинявшиеся Главному управлению конвойных войск (ГУКВ НКВД-МВД СССР). В 1944 г. военнопленных охраняли 36 328 военнослужащих конвойных войск, в том числе в лагерях – 25 659 чел. (70,6%), в спецгоспиталях – 2011 чел. (5,5%), на сборных пунктах – 2071 чел. (5,7%), сопровождали военнопленных от приемных пунктов до лагерей 2094 чел. (5,8%), находились во фронтовом резерве 4493 чел. (12,4%). В 1946 г. численность конвойных войск, привлеченных к охране военнопленных (221 лагерь и 1927 лаготделений), достигла 62 362 чел., из них 23 104 чел. (37,1%) несли круглосуточную постовую службу на смотровых вышках, 3954 чел. (6,3%) осуществляли патрулирование в ночное время вокруг лагерных зон, 3954 чел. (6,3%) входили в состав оперативных групп для розыска и преследования бежавших военнопленных, 9635 чел. (15,5%) дежурили и выполняли хозяйственные работы по гарнизону. Остальные 21 715 чел. (34,8%) были заняты в конвоировании и охране на работах 1 млн 307 тыс. военноплен-

ных, то есть на каждого солдата конвойных войск приходилось 60 военнопленных. В 1948 г. к охране военнопленных привлекались 22 254 военнослужащих конвойных войск: 3700 чел. (16,6%) входили в руководящий аппарат и обслуживающий персонал гарнизонов, 8880 чел. (39,9%) охраняли зоны лаготделений, 9674 чел. (43,5%) – контингент на объектах работ¹³.

К каждому лагерю (лаготделению) прикреплялось подразделение (гарнизон) конвойных войск, которое возглавлялось офицером (начальником гарнизона) и подчинялось в оперативном отношении начальнику лагеря. Численность гарнизона (от 25 до 135 чел.) зависела от характера и количества охраняемого контингента, порядка его трудового использования, местных условий и т.п.¹⁴ Гарнизоны конвойных войск располагались вблизи лагерей и спецгоспиталей, что давало «быстроту выброски резерва» и «возможность маневра живой силы и огневых средств» при чрезвычайных происшествиях. Особо тщательно продумывалась охрана лагерей и спецобъектов для генералов и офицеров противника. К примеру, спецобъект № 35/В (район Озера Московской обл.), где содержался немецкий генерал, круглосуточно охраняли команда вахтеров (14 чел.) и гарнизон конвойных войск (18 чел.)¹⁵.

Необходимость внешней охраны лагерей обуславливалась тем, что в годы Великой Отечественной войны тыловые районы СССР являлись местом деятельности вражеских диверсионно-разведывательных групп. Хорошо вооруженные и подготовленные группы диверсантов представляли серьезную опасность для экономических, транспортных и военно-режимных объектов. Помимо совершения диверсий и распространения провокационных слухов в обязанности диверсантов входили сбор сведений о расположении лагерей военнопленных, организация побегов и повстанческой работы среди лагерного контингента¹⁶. Имеются данные, что немецкая разведка готовила специальных агентов для работы в лагерях ГУПВИ.

Каждый лагерь на случай внешнего нападения имел план обороны. Бойцы гарнизона в случае тревоги были обязаны занять огневые точки и организовать круговую оборону. Например, в составе оперативно-боевой группы лагеря № 220 (г. Молотовск) числились пулеметное отделение (4 чел.), гранатометное отделение (4 чел.), группа автоматчиков (11 чел.), связная группа (3 чел.), 3 караульные и 2 розыскные собаки¹⁷. На период усиления в лагерях вводилось круглосуточное дежурство ответственных офице-

ров, запрещались командировки и отпуска, проверялось состояние ограждений зоны, средств связи, сигнализации и освещения, приводился в порядок противопожарный инвентарь. Военнопленные, работавшие за пределами лагеря, подлежали водворению в зону. Вводился повышенный контроль за объектами жизнеобеспечения: пищеблоками, столовыми, складами, колодцами.

В соответствии с Временной инструкцией о войсковой охране лагерей военнопленных (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД СССР от 19.11.1939 г. выделялся один конвоир на 25–30 военнопленных¹⁸. В последующем это соотношение неоднократно менялось и составляло в 1942 г. – 1 : 8, в 1943 г. – 1 : 15¹⁹, в 1944 г. – 1 : 25–30²⁰. В послевоенный период охрана контингента дифференцировалась в зависимости от типа лагеря: в производственных лагерях – конвоир на 75 военнопленных²¹; в лагерях приграничной полосы – конвоир на 25–30 военнопленных; в режимных лагерях – конвоир на 20 военнопленных²². Для сравнения отметим, что численность вооруженной охраны в ГУЛАГе (данные на октябрь 1945 г.) составляла 6–7% от контингента²³, то есть в среднем охранник на 15 заключенных, что превышало аналогичный показатель по производственным лагерям ГУПВИ в 5 раз, по режимным лагерям в 1,3 раза.

Особым порядком осуществлялось конвоирование военнопленных и интернированных во время железнодорожных перевозок. Они помещались в товарные вагоны, оборудованные нарами и необходимым инвентарем (40–45 чел. – в двухосные вагоны, 80–90 чел. – в четырехосные). Охрана эшелона осуществлялась путем выставления часовых на тормозных и тамбурных площадках. Конвой назначался из расчета взвод (30–36 чел.) на эшелон (60–65 вагонов). Один раз в сутки на длительных остановках предусматривался вывод контингента из вагонов на 30-минутную прогулку²⁴. В 1941 г. конвойные войска сопровождали 12 627 военнопленных, в 1942 г. – 118 380, в 1943 г. – 401 205, в 1944 г. – 1 633 621²⁵.

На протяжении всего периода существования лагерей для военнопленных имел место некомплект гарнизонов конвойных войск, в результате чего бойцы были вынуждены нести службу по 12–14 ч в сутки²⁶. Удаленность от мест дислокации частей (зачастую за сотни километров), отсутствие четкого взаимодействия с руководством лагерей, низкая дисциплина личного состава также негативно отражались на организации охраны военнопленных. В 1948 г. МВД СССР полностью

переводит на вахтерскую охрану спецгоспитали и оздоровительные лагерные отделения, а также ряд лагерей²⁷. В случае дислокации лагерей военнопленных при ИТЛ ГУЛАГа, а также в лагерях МВД для осужденных военных преступников охрана контингента возлагалась на военизированную охрану (ВОХР)²⁸.

Помимо конвойных войск к охране военнопленных по возможности привлекались дополнительные силы: военнослужащие тыловых частей, персонал гражданских предприятий и организаций, вахтерская охрана хозорганов. К примеру, охрану контингента лагеря № 286 (г. Таллинн) осуществляли 6758 чел., из них 1840 – военнослужащие конвойных войск (27,2%), остальные – военнослужащие местного гарнизона, милиции и военизированной железнодорожной охраны (72,8%)²⁹. Массовое использование вахтерской охраны хозорганов также имело место в лагерях Ворошиловградской, Калининградской, Киевской, Латвийской, Литовской, Свердловской и других областей и республик. Так, в лагерях Латвийской ССР в 1947 г. конвойные войска обеспечивали вывод на работы 54% контингента, вахтерская охрана лагерей – 10,5%, вахтерская охрана хозорганов – 35,5%³⁰. Ввиду низкого качества охраны контингента со стороны предприятий и организаций МВД СССР распоряжением от 18.08.1948 г. № 502 предложено руководству лагерей полностью прекратить вывод военнопленных на работы под охраной хозорганов³¹.

Постоянный некомплект личного состава конвойных войск и вахтерского персонала предопределил практику расконвоирования. Впервые процедура расконвоирования военнопленных (применительно к Львовскому лагерю НКВД) разъяснялась в специальной инструкции, утвержденной заместителем наркома внутренних дел В.В. Чернышовым в декабре 1940 г. Согласно этому документу расконвоированию подлежали представители административно-технического персонала (инженеры, техники, прорабы и др.), а также квалифицированные рабочие (монтеры, шоферы, сварщики и др.)³². Данный порядок расконвоирования соответствовал практике ГУЛАГа³³.

В июне 1945 г. НКВД СССР разрешило расконвоировать бригады военнопленных численностью до 10 чел. В первую очередь были расконвоированы бригадиры, десятники, инженеры, нормировщики, медработники и др. Помимо лиц, занимавших хозяйственные должности, право на бесконвойное передвижение предоставлялось членам антифашистского актива. Директивой НКВД

СССР от 12.02.1946 г. № 33 было разрешено расконвоирование военнопленных японцев, используемых в качестве обслуживающего персонала³⁴. Расконвоированные военнопленные снабжались специальными временными пропусками с фотокарточкой на право бесконвойного хождения по определенному маршруту и в определенное время. Лиц, нарушивших правила пользования удостоверением на бесконвойное передвижение, подвергали наказанию по усмотрению начальника лагеря в зависимости от характера нарушения.

Если в начале 1946 г. было расконвоировано 18 191 чел. (0,9% от общей численности военнопленных), то концу года – уже 51 902 (2,9%)³⁵. Для сравнения отметим, что численность расконвоированных заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа на 1 августа 1947 г. составляла 191 016 чел. (10,8%)³⁶, то есть в три раза больше, чем в лагерях ГУПВИ. Впрочем, в отдельных лагерях ГУПВИ число расконвоированных было существенно выше среднего. Так, в лагере № 256 (Ворошиловградская область) из 15 070 военнопленных расконвоированных было 4151 чел. (27,5%). Пользуясь тем, что в приказах и директивах НКВД не была установлена предельная цифра расконвоированных, начальники некоторых лагерей шли еще дальше. К примеру, в ряде лаготделений лагеря № 503 (Кемеровская область) военнопленные были расконвоированы полностью³⁷.

В целях предотвращения подобных фактов ГУПВИ ограничивает практику расконвоирования. Согласно распоряжению МВД СССР от 18.08.1948 г. № 502 количество расконвоированных военнопленных не должно было превышать 3% от списочного состава³⁸. Тем не менее уложиться в установленный лимит руководство лагерей не сумело: на 1 января 1949 г. в лагерях было расконвоировано 12 457 чел., что составляло 3,8% от общего количества военнопленных. В отдельных лагерях доля расконвоированных составляла 10 и более процентов³⁹. Так, в 1-м лаготделении режимного лагеря № 211 (Вологодская область) из 890 военнопленных под конвоем выводились за зону только 137 чел. (15,4%), а остальные – без охраны⁴⁰.

Обобщая опыт расконвоирования военнопленных, можно констатировать, что оно позволило сократить расходы на охрану военнопленных, а также улучшило морально-психологический климат в лагерях. Расконвоированные военнопленные проявляли добросовестное отношение к труду, а также более высокую дисциплинированность. С другой стороны, практика массового и

бесконтрольного расконвоирования военнопленных имела обратный эффект: военнопленные расходились по близлежащим населенным пунктам, занимались попрошайничеством и даже воровством.

В целях опознания военнопленные должны были носить специальную повязку. В директиве Управления военного снабжения НКВД СССР от 11.11.1943 г. № 25/044993 «О порядке изготовления и ношения повязки военнопленных» разъяснялось: «Отличительная повязка для военнопленных изготавливается из хлопчатобумажной одежной ткани, окрашенной в ярко-желтый цвет анилиновыми или сернистыми красителями. Длина повязки – 18 см, ширина – 8 см... На расстоянии 5 см от края повязки (по длине) нанесены черной краской две полосы шириной в один сантиметр. На середине повязки между полосами краской написано В/П»⁴¹. Повязка нашивалась на левый рукав верхнего обмундирования (шинели, куртки, гимнастерки). Летом 1944 г. в целях улучшения охраны военнопленных красноармейские шинели, рубахи и пилотки, выданные им в качестве обмундирования, были заменены иностранными образцами⁴².

В феврале–марте 1945 г. ГУПВИ по опыту ГУЛАГа осуществляет эксперимент по формированию команд самообороны (вспомогательных команд, или ВК) из числа проверенных военнопленных антифашистов различных национальностей, за исключением немцев, венгров, испанцев, голландцев, датчан и норвежцев⁴³. Получив с мест положительные отзывы о деятельности данных подразделений, НКВД СССР приказом от 27.06.1945 г. № 0172 вводит вспомогательные команды в 126 лагерях.

Отбор кандидатов в эти подразделения производился специальной комиссией, состоявшей из начальника управления лагеря и его заместителей по политической и оперативной работе. Состоявшие в ВК лица размещались отдельно от остальных военнопленных и обеспечивались комплектом постельного белья и лучшим обмундированием. Личный состав команд носил отличительный знак – белую повязку с черными буквами «ВК». Оружие охранникам из числа военнопленных не выдавалось, наводить порядок им помогали свистки и флажки. Состав ВК ежегодно проверялся оперотделами лагерей. Лица, не внушавшие доверия, законвоировались и переводились в другие лагерные отделения.

Согласно Инструкции по службе вспомогательных команд в лагерях военнопленных НКВД СССР от 27.06.1945 г. конвоир ВК нес

охрану 10–15 военнопленных. Впоследствии это соотношение было изменено до 15–25 военнопленных, а по директиве МВД СССР от 28.06.1947 г. № 128 – до 35–40 чел. Члены ВК делились на отделения (по 10–15 чел. в каждом): первое отделение следило за порядком в лагерной зоне, остальные конвоировали военнопленных и охраняли их на производстве. За свою работу члены ВК получали денежное вознаграждение в размере: солдаты – 50 руб., командиры отделения – 75 руб., начальники команд – 100 руб. в месяц⁴⁴.

На 01.01.1946 г. в 136 лагерях несли службу 970 вспомогательных команд общей численностью 36 680 чел. (1,8% от общей численности военнопленных). На 01.01.1947 г. численность «бойцов» ВК составляла 37 460 чел. (2,1%), на 01.10.1948 г. – 11 489 чел. (2,0%)⁴⁵. Для сравнения отметим, что численность самообороны в лагерях и колониях ГУЛАГа на 01.08.1947 г. составляла 17 675 чел. (0,9%)⁴⁶, то есть была в два раза меньше, чем в лагерях ГУПВИ. Характерно, что в офицерских и режимных лагерях ГУПВИ, а также в подразделениях, расположенных в приграничной полосе, вспомогательные команды не создавались. Кроме того, вплоть до 1948 г. создание ВК запрещалось в лагерях для японских военнопленных (разрешено было приказом МВД СССР от 26.02.1948 г. № 0118)⁴⁷.

Военнопленные по-своему понимали службу в команде самообороны. Так, немец Отто Ренельт говорил: «Кто посмотрит на протяженность русской страны, должен признать бессмысленность попытки побега. Если члены ВК помешают военнопленному товарищу совершить такое необдуманное предприятие, как побег, то это будет спасением от бесцельных мытарств, болезни и продления плена... Военнопленные, оставляя свои рабочие места, мешают выполнению плана. Этим не только наносится вред русским, но и затаптывается в грязь немецкая дисциплина»⁴⁸.

В целом практика использования вспомогательных команд для охраны контингента оправдала себя. Судя по документации ГУПВИ, подразделения ВК несли службу «вполне удовлетворительно». Так, в 1947 г. по вине ВК бежало 14 чел. из 2123, то есть 0,7%. Нарушения воинской дисциплины со стороны «бойцов» ВК носили единичный характер⁴⁹. Однако не обошлось и без побочных последствий. Создание команд самообороны значительно ослабило дисциплину среди вахтерского состава. В приказах лагерей говорится об «утрате ответственности» вахтеров, которые свои функции фактически переложили на плечи военнопленных.

К поиску и задержанию бежавших военнопленных активно привлекалось местное население. Для этого в радиусе до 50 км от лагерей в населенных пунктах, на железнодорожных станциях и в районах переправ создавались бригады содействия (БС). Судя по документам НКВД, опыт создания последних уже имел место в лагерях для польских военнопленных в 1939–1941 гг.⁵⁰ В период Великой Отечественной войны создание БС было санкционировано приказом НКВД СССР от 17.02.1943 г. № 00343 «О выявлении и задержании беглых солдат и офицеров немецкой армии», предписывавшим привлекать к поиску беглецов информаторов НКВД из местного населения, а также директивой УПВИ НКВД СССР от 05.03.1943 г. № 28/1/4169, разъяснявшей порядок создания бригад содействия при лагерях военнопленных⁵¹.

Бригады содействия формировались на добровольных началах из партийно-комсомольского актива колхозов, совхозов, местных общественных организаций, а также лиц, «безусловно преданных Родине». Допускалось привлечение в БС колхозников, занятых на сельхозработах и лесозаготовках, в том числе женщин и подростков. Члены бригад содействия использовались для оцепления районов, куда предположительно бежали пленные; для наблюдения за дорогами и тропами, прилегавшими к лагерю; для прочесывания лесных массивов, где могли укрыться беглецы. При этом членам БС запрещалось выдавать холодное и огнестрельное оружие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Катюнь: пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1999. С. 89–92; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 139–144, 306–307.

² См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 457–458.

³ См.: Архив Управления Министерства внутренних дел России по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 407–415; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. М., 1996. Т. 24 (13–1): Нормативные документы. С. 169–170.

⁴ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 163; Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. С. 103.

⁵ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467. Л. 76–78об.; Д. 475. Л. 137–139об.; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 169–170.

⁶ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 454. Л. 213.

⁷ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Волгоград, 2004. Т. 4. С. 83, 266, 288, 302.

⁸ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 441. Л. 65–67; Д. 463. Л. 213–215, 375об.–376.

Если в 1944 г. при лагерях действовали 1533 бригады содействия (11 126 чел.), то в 1946 г. – уже 10 240 (68 143 чел.)⁵². С помощью БС было задержано около 25% военнопленных, совершивших побег. Не последнюю роль при этом играло материальное вознаграждение, которое получали бдительные советские граждане. Вместе с тем создание БС оказалось неэффективным в Западной Украине и Прибалтике, где местное население сочувственно относилось к военнопленным и зачастую не только не задерживало беглецов, но и укрывало их. Аналогичным образом обстояло дело в регионах, где имелось значительное количество спецпоселенцев (Казахстан)⁵³.

В целом, на основании рассмотренного материала можно сделать вывод, что система охраны в лагерях ГУПВИ копировала опыт ГУЛАГа, адаптируя его к специфике содержания подданных иностранных государств. Охрану военнопленных и интернированных осуществляли вахтерские подразделения лагерей (спецгоспиталей) и конвойные войска НКВД-МВД. Нехватка кадрового состава НКВД-МВД компенсировалась посредством привлечения персонала хозорганов, местного населения, а также самих бывших неприятельских военнослужащих. Часть военнопленных из числа хозяйственной obsługi и представителей антифашистского актива пользовалась правом бесконвойного передвижения. Комплекс перечисленных мероприятий способствовал пресечению побегов военнопленных и интернированных, а также их изоляции от гражданского населения.

¹ См.: Katyn': plenniki neob#javlennoj vojny. Dokumenty i materialy. M., 1999. S. 89–92; Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy. M., 2000. S. 139–144, 306–307.

² См.: GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960. M., 2000. S. 457–458.

³ См.: Arhiv Upravljenija Ministerstva vnutrennih del Rossii po Vologodskoj oblasti (dalee – Arhiv UMVD Rossii po VO). F. 6. Op. 1. D. 463. L. 407–415; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. M., 1996. T. 24 (13–1): Normativnye dokumenty. S. 169–170.

⁴ См.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 475. L. 163; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Nemeckie voennoplennye v SSSR... S. 103.

⁵ См.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 467. L. 76–78ob.; D. 475. L. 137–139ob.; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 169–170.

⁶ См.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 454. L. 213.

⁷ См.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. 1941–1952: Otchetno-informacionnye dokumenty i materialy. Volgograd, 2004. T. 4. S. 83, 266, 288, 302.

⁸ См.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 441. L. 65–67; D. 463. L. 213–215, 375ob.–376.

⁴⁸ Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

⁴⁹ См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 267.

⁵⁰ См.: Катунь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. С. 168–172.

⁵¹ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 446. Л. 318; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 277.

⁵² См.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. С. 40, 82, 291.

⁵³ См.: Там же. С. 277–278.

⁴⁸ Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 10. Op. 1. D. 28. L. 10.

⁴⁹ Sm.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 267.

⁵⁰ Sm.: Katyn'. Mart 1940 g. – sentjabr' 2000 g. Rasstrel. Sud'by zhivyh. Jeho Katyni. S. 168–172.

⁵¹ Sm.: Arhiv UMVD Rossii po VO. F. 6. Op. 1. D. 446. L. 318; Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 277.

⁵² Sm.: Glavnoe upravlenie po delam voennoplennyh i internirovannyh NKVD-MVD SSSR. S. 40, 82, 291.

⁵³ Sm.: Tam zhe. S. 277–278.

Правовой статус остарбайтеров как следствие реализации политико-экономических интересов руководства Третьего рейха

В.В. ЧЕРНЯВСКИЙ – старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея, аспирант кафедры истории Украины Николаевского национального университета им. В.О. Сухомилинского

В статье анализируются объективные политические и экономические факторы, которые повлияли на формирование нормативно-правовой базы Третьего рейха, определившей бесправный статус остарбайтеров. Автор абстрагируется от нацистской «расовой теории», принятой в западной историографии как основы дискриминации восточных рабочих в рейхе, и рассматривает это явление как следствие реализации групповых экономических интересов и необходимости сохранения эффективности национал-социалистической пропаганды.

Ключевые слова: принудительный труд; иностранные рабочие; расовая теория; остарбайтеры; идеология Третьего рейха; национал-социалистическая иерархия рабочей силы.

Legal status of OST-arbiters like consequence of the implementation political and economic interests of the leadership of Third Reich

V.V. CHERNIAVSKIY – postgraduate student of Nikolaev National University named after V.O. Suhomlinsky, Senior Researcher of the Nikolaev Regional Museum

This article analyzes the objective political and economic factors that have influenced the development of a regulatory framework Third Reich, which defined the disenfranchised status of ostarbeiters. The author abstracts from the Nazi «racial theory» that is adopted in Western historiography as the basis of discrimination Eastern workers in the Reich, and regards this phenomenon as a result of the group's economic interests and the need to preserve the effectiveness of the national-socialist propaganda.

Key words: forced labor; foreign labor; racial theory; OST-Arbeiters; ideology of Third Reich; National Socialist hierarchy of labor.

Практически бесправный статус остарбайтеров в системе эксплуатации иностранного труда Третьего рейха уже неоднократно становился предметом научных дискуссий. В попытках объяснить подобную дискриминацию большинство исследователей соглашались с мыслью о том, что она основывалась на нацистской «расовой те-

рии» и производной от нее национал-социалистической иерархии системы иностранной рабочей силы. Данная идея впервые была озвучена немецким историком У. Гербертом¹. Впоследствии она получила дальнейшее развитие в трудах его австрийского коллеги П. Ругенталера, который также понимал различия в статусах разных групп